

Естественное, искусственное и науки о человеке

В.А. Лекторский*,

Институт философии Российской Академии наук; Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия,
v.a.lektoprski@gmail.com

Автор анализирует возможности трансформации человеческого сознания в связи с появлением «цифрового общества» и развитием наук о человеке, в частности, когнитивных и нейронаук. В статье отстаивается тезис о том, что современные науки о человеке будут способствовать развитию человека и не станут средством его деградации только в том случае, если они будут учитывать принципиальную особенность человека как естественно-искусственного существа, его включенность в деятельность и культуру. В этой связи исследуется взаимоотношение индивидуальной и коллективной деятельности, анализируются разные формы коллективной деятельности: относительная независимость участников друг от друга, распределенная деятельность и деятельность совместная. Последняя предполагает постоянную коммуникацию между участниками. Поэтому деятельность и общение не могут быть противопоставлены, так как акт коммуникации имеет смысл лишь в рамках деятельности и так как сама коммуникация может быть рассмотрена как особого рода деятельность. В статье дается критика социального конструкционизма в психологии и других науках о человеке.

Ключевые слова: человек, технаука, искусственное, деятельность индивидуальная, деятельность коллективная, общение, культура, социальный конструкционизм.

The Natural, the Artificial and Human Sciences

V.A. Lektorsky,

Russian Academy of Sciences; State Academic University for the Humanities,
v.a.lektorski@gmail.com

The author analyses the possibilities of transforming human mind in connection with the appearance of “digital civilization” and the development of human sciences, in particular, cognitive and neural ones. The article argues that human sciences can promote human perfection (and will not be used as a means of its degradation) only if they take into account the principal fact: the human being is a natural/artificial creature engaged in activity and culture. In this context the author studies the relationship between individual and collective activity and analyzes different forms of the latter: relative independence of participants, distributed activity, and cooperative activity. Cooperation requires constant communication between the participants. Therefore activity and communication cannot be opposed to each other, as the act of communication matters only in the context of activity, and also because communication itself can be understood as a specific kind of activity. In this connection social constructionism in psychology and other human sciences is criticized.

Для цитаты:

Лекторский В.А. Естественное, искусственное и науки о человеке // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 3. С. 31–35. doi:10.17759/chp.2018140302

For citation:

Lektorsky V.A. The Natural, the Artificial and Human Sciences. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 3, pp. 31–35. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140302

* *Лекторский Владислав Александрович*, доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук; научный руководитель философского факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия. E-mail: v.a.lektoprski@gmail.com

Lektorsky Vladislav Alexandrovich, PhD in Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Education, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Academic Supervisor, Department of Philosophy, State Academic University for the Humanities. E-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Keywords: human being, technoscience, the artificial, individual activity, collective activity, communication, culture, social constructionism.

Науки о человеке: возможность взлета человека и опасность его деградации

Есть серьезные основания считать, что науки о человеке — это передний край развития современной науки в целом. Методы естественных и точных наук начинают применяться к изучению феномена человека. Представляется, что сегодня осуществляется вековая мечта о единстве науки: наук о природе и наук о человеке. Огромны успехи генетики человека: расшифрован геном человека, открываются колоссальные возможности использования этих знаний. Сегодня исключительно интенсивно идет работа по изучению человеческого мозга. Развиваются когнитивные науки: исследования в области искусственного интеллекта, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, когнитивной нейронауки. Появились новые методы и средства таких исследований, которыми еще недавно наука не располагала: информационные и нанотехнологии, магнитно-резонансная томография и др. Науки, которые до недавних пор не имели никакого отношения к изучению человека, начинают претендовать на вклад в его познание: ряд физиков утверждают, что квантовая механика может дать ключ к пониманию природы сознания.

Между тем, в наши дни возникает новый феномен, получивший название «техно-науки»: фундаментальные и прикладные исследования сближаются, грань между ними становится все менее резкой. А это означает, что исследование не только предполагает использование технических приспособлений, но и сопровождается созданием новых технологий для трансформации изучаемых процессов. Вообще, многие современные теоретики связывают будущее нашей цивилизации с искусственным (т. е. сконструированным человеком) интеллектом и с цифровизацией всей жизни. Журналисты говорят о том, что мы живем в мире виртуальной, т. е. сотворенной человеком реальности, в потоках льющейся отовсюду информации, в которых невозможно разобраться, различить правду и ложь, и что само противопоставление искусственного и естественного, реально существующего и выдуманного ныне вообще теряет смысл (популярная в наши дни идея «пост-правды»).

Сегодня экономическое и социальное развитие во все большей степени начинает определяться так называемыми NBIC-технологиями: нано-, био-, информационными и когнитивными. Многие специалисты считают, что если до недавних пор наука использовалась человеком для переделки природы (в результате чего возникла экологическая проблема), то сегодня настала очередь для самого человека — для этого уже имеются соответствующие средства. В частности, это возможность «редактировать» генетическую карту и создавать «по заказу» определенные типы

человеческих существ, возможность воздействия на мозговые (а через них на психические) процессы, возможность переноса некоторых интеллектуальных процессов на искусственные (цифровые) носители. С помощью информационно-коммуникационных технологий (через телевидение, Интернет) можно воздействовать на сознание человека и даже программировать его. Вообще, сегодня многие науки о человеке становятся во все большей степени поставщиками средств для управления человеческим существом и его трансформации: проектирования его телесности и психики. В этой связи возникают проекты создания «пост-человека», который будет отличаться от ныне существующего тем, что будет более совершенен физически и психически (лучше воспринимать информацию из внешнего мира, меньше спать, быстрее двигаться, быстрее принимать решения, дольше жить и т. д.). У него будут отсутствовать некоторые качества, которые до сих пор осложняли человеческую жизнь: он будет рационален, а не эмоционален, ряд традиционных ценностных установок у него просто исчезнут. В перспективе он может быть бессмертен, его сознание может быть вообще перенесено с биологического носителя (каким является человеческое тело) на цифровой носитель. Над этими проектами сегодня работают большие научные коллективы в разных странах мира. Правда, если бы эти проекты осуществились (а частично они уже осуществляются), то это означало бы конец человека, «пост-человек» выступил бы убийцей настоящего человека. Ибо пост-человек, как он понимается современными сторонниками этого проекта, не нуждается в таких фундаментальных человеческих качествах, как забота, сострадание, самоотверженность, любовь и др. И это произошло бы именно с помощью наук о человеке.

Конечно, это странный вывод. Ведь смысл развития наук о человеке в том и состоит, чтобы с их помощью дать средства для культивирования тех качеств, которые и делают человека человеком, а не в том, чтобы человека превратить в какое-то неведомое существо — нелюдь. И вообще непонятно, как человек перестанет быть человеком оттого, что он лучше изучит себя и примет к серьезному руководству результаты исследования его генетики, нейрофизиологических процессов, его мозга и психики.

В действительности развитие современных наук о человеке может вывести человека на качественно новый этап, способствовать развитию и новой интерпретации гуманистических ценностей. Но оно же при некоторых условиях может привести к деградации человека. Для того чтобы осуществилось не первое, а второе, нужно принимать во внимание важнейшее обстоятельство: человек — существо, одновременно живущее в разных мирах: не только в мире физических и биологических процессов, но и в мире культуры; не только в мире естественном, но и в мире

искусственном. Именно здесь и находится ключ к пониманию многих человеческих особенностей, без учета которых невозможны науки о человеке.

Человек, деятельность, культура

Познание, сознание, человеческая субъективность характеризуют не мозг, а отношение человека к миру. Поэтому изучение сложнейшей структуры головного мозга и происходящих в нем процессов должно быть соединено с анализом содержания перерабатываемой мозгом информации, а ключ к пониманию этого содержания находится в анализе отношения мозга к миру. Для человека это не только мир природы, но прежде всего культурный мир. Для иллюстрации сказанного можно привести такой пример. Как известно, с помощью часов можно точно узнавать момент текущего времени. Представим себе человека, который попытался бы узнать, что такое время, разбирая устройство часового механизма. Никакого времени он там не нашел бы, а лишь взаимодействие шестеренок и рычажков в механических часах или электрические батарейки — в часах электронных. Дело ведь в том, что работа часового механизма обеспечивает измерение того времени, которое существует в самом мире и зависит не от часов, а от тех процессов, которые в мире протекают. Содержание информации, перерабатываемой мозгом человека, определяется его деятельностью в окружающем его мире культурных смыслов, деятельностью, включенной во взаимодействие с другими.

Человек появился как естественно-искусственное существо. Если бы его жизнь была подчинена чисто природным, в частности, биологическим законам, он должен был бы погибнуть, так как в отличие от других существ не обладает тем необходимым набором инстинктов, которые обеспечивают выживание (не родится с умением ходить, плавать и т. д.). Но он не только не погиб, но сумел поставить себе на службу природные процессы. Это стало возможным потому, что человек создал культуру, т. е. такую сферу реальности, которая в самой по себе взятой природе не может возникнуть. Культура определяет надбиологическую программу человеческой жизнедеятельности. В нее входят орудия труда, язык, мифы, религия, искусство, научные теории, системы техники и технологии. В рамках культурных ценностных и смысловых систем создаются социальные институты и экономические структуры. Культура — продукт человека, нечто сделанное, сконструированное. Она повлияла и продолжает влиять на саму биологическую природу человека — на его генную систему и мозг; сегодня эти влияния стали предметом специальных исследований [7; 12]. Но главное воздействие культуры на человека не в этом — она определяет способы осмысления мира, нормы деятельности (что можно и что нельзя делать) и способы ее оценки. В этом отношении не только человек создал культуру, последняя создала самого человека и продолжает его создавать и пересоздавать.

Индивидуальная деятельность, коллективная деятельность, общение

Ключ к пониманию человеческой субъективности — исследование коллективной деятельности, включающей общение между ее участниками. Этот подход был основательно разработан в отечественной философии и психологии в рамках идущего от Л.С. Выготского культурно-деятельностного понимания сознания и познания [1; 5]. Было показано, что усвоение предметного значения слов языка может произойти у ребенка только в том случае, если соответствующий предмет включен в коллективную деятельность. Первоначально — это так называемая совместно-разделенная деятельность ребенка с взрослым человеком. Так как именно зафиксированные в коллективной деятельности способы обращения с предметом выделяют в нем соответствующие объективные свойства. Деятельность предметна, зависит от объективных характеристик предмета. Вместе с тем она выделяет в предмете то, что важно и нужно для деятельности. Поэтому попытки обучения ребенка языку посредством простого соотнесения знаков языка с самими по себе предметами не дают результата. Общение включено в деятельность, является его неотъемлемым компонентом: вне отношений с другим человеком деятельность невозможна. Особую роль в этом процессе играют специальные предметы. Это вещи, созданные самим человеком: ложки, чашки, ботинки, одежда и т. д. Это не просто вещи, а способы межчеловеческой коммуникации.

В работах отечественных психологов Д.Б. Элькониной [8], В.В. Давыдова [2], В.В. Рубцова [6] и других было показано, что коллективная деятельность — это не просто расширение деятельности индивидуальной. Деятельность коллективная включает взаимную деятельность и взаимные действия. Взаимодействие ее участников может быть понято как коммуникация. Деятельность этого рода имеет цель, которая является общей для всех участников и не может быть достигнута каждым из них в одиночку, но лишь при условии их взаимодействия. В то же время пути достижения коллективной цели могут быть различными. Соответственно и сама деятельность в этом случае может принимать разные формы. Ее участники могут быть относительно независимыми друг от друга. Коллективная деятельность может быть распределенной. В этом случае она складывается из ряда действий индивидуальных участников, при том, что действия каждого предполагают действия других. Наконец, она может включать постоянную коммуникацию между участниками в качестве необходимого условия — это совместная деятельность. Этот вид коллективной деятельности оказался особенно интересным. В этом случае участники должны постоянно обсуждать некоторые проблемы друг с другом, включаться в диалоги и полилоги, чтобы уметь понять позиции других и в то же время научиться смотреть на себя глазами других, т. е. выработать в себе качество само-рефлексивности. Особенно важно, что в

исследованиях коллективной деятельности было показано, что нужно внести существенное дополнение в понимание процесса интериоризации — одного из главных, с точки зрения общей теории деятельности: интериоризация должна быть понята не просто как «перенос» внешней деятельности во «внутренний план» (как это считали многие теоретики теории деятельности), а прежде всего как индивидуальное присвоение форм коллективной деятельности.

Но если коллективная деятельность включает взаимодействие участников, в частности, их коммуникацию, то меняется и само понимание деятельности.

Иногда общение противопоставляется деятельности. В самом деле, отношение к другому субъекту не есть отношение к неодушевленному предмету деятельности. Если я воспринимаю другого как внешнюю реальность, то одновременно сознаю, что и он воспринимает меня таким же образом. А это значит, что в само мое восприятие другого человека включено сознание восприятия меня другим. Но почему деятельность нужно понимать только как трансформацию неодушевленных вещей? Деятельность — это изменение реальностей разного типа, в том числе и реальности межчеловеческих отношений. А это может быть достигнуто и с помощью коммуникации. Поэтому коммуникация — это, конечно, деятельность, хотя особого рода. Вместе с тем важно иметь в виду, что познавательное и деятельное отношение человека к миру изначально предполагает коммуникацию, ибо человек имеет дело с миром лишь через посредство особого рода предметов, сделанных другими людьми. Пользование такими предметами необходимо включает общение с другими. И, наконец, любой акт коммуникации имеет смысл только в рамках более широкой системы деятельности. Разрабатываемые сегодня в когнитивной науке концепции «расширенного познания», «расширенного сознания» имеют дело именно с этой проблематикой [9].

Культурно-деятельностный подход и социальный конструкционизм

Сегодня у нас среди ряда философов, психологов, культурологов пользуются популярностью разные конструктивистские концепции, особенно так называемый социальный конструкционизм [10] и связанный с ним нарративный подход в философии и психологии [13]. Некоторые отечественные философы считают, что именно в конструктивизме более адекватно выражено то, что остается ценным в деятельном подходе. На самом деле социальный конструкционизм, во-первых, противостоит деятельностному подходу и, во-вторых, не может быть перспективной методологией в науках о человеке.

Дело в том, что, с точки зрения социальных конструкционистов, при исследовании психики, сознания, человеческой личности мы имеем дело не с реальными предметами, а лишь с конструкциями двойного рода. Во-первых, это продукты социаль-

ных взаимодействий, разного рода коммуникаций, имеющих культурно-исторический характер. Во-вторых, сам исследователь вместе с тем, кого он исследует, строит изучаемый предмет, который вне этого процесса не существует. То, что принимается за познание, в действительности таковым не является, считают сторонники этой концепции. Психолог или социолог, с этой точки зрения, является в действительности не исследователем, не ученым, а участником в создании определенных социальных отношений, некоей эфемерной социальной реальностью, о которой можно говорить лишь в условном смысле, ибо она существует только в рамках конструктивной деятельности. С этой точки зрения, в социальной психологии, например, эксперимент как способ получения объективного знания невозможен, потому что экспериментатор и объект его экспериментов (другой человек) вступают друг с другом в коммуникационное взаимодействие, в ходе которого объект исследования принципиально изменяется. Поэтому, с этой точки зрения, бессмысленно говорить и о научной теории при изучении человека.

В социальном конструкционизме есть нечто, что роднит его с культурно-историческим деятельностным подходом — идея о том, что психика, сознание, личность являются продуктом социальных взаимодействий и коммуникаций и имеют культурно-исторический характер. Сторонники этой концепции ссылаются в этой связи на Л.С. Выготского и М.М. Бахтина и заявляют о том, что именно социальный конструкционизм является современным развитием идей последних. Между тем, тезис о том, что исследователь имеет дело не с познаваемой реальностью, принципиально отличает его от деятельностного подхода как он был понят в советской философии и психологии. В действительности любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать. С другой стороны, реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность.

Сконструированность не обязательно означает нереальность того, что построено. Если «Я», личность, идентичность — это социальные конструкции, из этого вовсе не следует их нереальность. И стол, за которым я сижу, тоже построен, сконструирован. Однако он не перестает от этого существовать. Можно сказать, что все социальные институты есть продукт человеческой деятельности, т. е. в некотором смысле конструкции. Но из этого не следует их нереальность. Человек вообще создает такие предметы (как материальные, так и идеальные), которые как бы выходят из под его контроля и начинают жить вполне самостоятельной реальной жизнью. Это и социальные институты; и поэтому можно и нужно изучать их структуры, строить о них теории. Это и субъективный мир человека — предмет психологических исследований, как теоретических, так и эксперимен-

тальных. Это мир идеальных продуктов человеческого творчества, развивающийся по своим особым законам, хотя и в рамках человеческой деятельности, как об этом писал Э.В. Ильенков [3]. Эти идеальные предметы до такой степени отделяются от породившего, сконструировавшего их творца, что сегодня многие считают бессмысленным ставить вопрос об их авторстве [4; 11].

* * *

Развитие современной философии, психологии и когнитивной науки вновь делают актуальным разработку проблематики деятельности и культурно-деятельностного подхода. То, что было сделано в этом отношении в отечественной философии и психологии, актуально сегодня.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т.: Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
2. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: Педагогика, 1996. 544 с.
3. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 123–140; № 7. С. 145–158.
4. *Лекторский В.А.* Реализм, анти-реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. М. Канон плюс, 2009. С. 5–40.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. 2-е изд. М. Политиздат, 1977. 420 с.
6. *Рубцов В.В.* Основы социально-генетической психологии. М. Изд. Института практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 376 с.
7. *Фаликман М.В., Коул М.* Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 9–18.
8. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М. Педагогика, 1978. 304 с.
9. *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58. P. 7–19.
10. *Gergen K.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge (MA): MIT Press, 1994. 560 p.
11. *Lektorsky V.A.* Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science // *Varieties of Scientific Realism. Objectivity and Truth in Science* / Ed. By E. Agazzi. Cham: Springer, 2017.
12. *Malafouris L.* Metaplasticity and the human becoming: Principles of neuroarcheology // *Journal of Anthropological sciences*. 2010. Vol. 88. P. 49–72.
13. *Sarbin T., ed.* Narrative Psychology. N-Y.: Praeger, 1986.

References

1. *Vygotsky L.S.* Sbranie sochinenyi. Problemy razvitiya psikhiki [Collection of works. The problems of psychological development]. Moscow: Pedagogika, 1983.
2. *Davydov V.V.* Teoriya razvivayushego obucheniya [The theory of Developmental Education]. Moscow: Pedagogika, 1996.
3. *Ilyenkov E.V.* 1973. Problema ideal'nogo [The Problem of the Ideal]. *Voprosi filosofii* [Questions of philosophy], 1973, no. 6, pp. 123–140; no. 7, pp. 145–158.
4. *Lektorsky V.A.* Vozmozno li post-chelovechesкое budushee? [Is the post-human future possible?]. In *Lektorsky V.A. Filosofiya, poznanie, kul'tura* [Philosophy, cognition, culture]. Moscow: Kanon plus, 2012, pp. 119–124.
5. *Leontiev A.N.* Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, Consciousness, personality]. Moscow: Politizdat, 1977.
6. *Rubtsov V.V.* Osnovy sotsial'no-geneticheskoi psikhologii [Foundations of social genetical psychology]. Moscow: Institute of practical psychology publishers, 1996.
7. *Falikman M.V., Cole M.* "Kul'turnaya revolutsiya" v kognitivnoi nauke: ot neuronnoi plastichnosti do geneticheskogo mekhanisma priobreteniya kul'turnogo opyta. ["Cultural revolution" in Cognitive science: from neuronal plasticity to genetical mechanisms of acquiring cultural experience]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Kultural-historical psychology], 2014, no. 3, pp. 9–18.
8. *El'konin D.B.* Psikhologiya igry [Psychology of the game]. Moscow: Pedagogika, 1976.
9. *Clark A., Chalmers D.* 1998. The Extended Mind. *Analysis*, 1998. Vol. 58, pp. 7–19.
10. *Gergen K.* 1994. Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge (MA), MIT Press.
11. *Lektorsky V.A.* Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science. In *Agazzi E. (ed.), Varieties of Scientific Realism. Objectivity and Truth in Science*. Cham.: Springer, 2017.
12. *Malafouris L.* Metaplasticity and the human becoming: Principles of neuroarcheology. *Journal of Anthropological sciences*, 2010. Vol. 88, pp. 49–72.
13. *Sarbin T. Ed.* Narrative Psychology. New York: Praeger, 1986.